

Томас ВИНТЕРБЕРГ: «Причина насилия в людях, а не в оружии»

Томас ВИНТЕРБЕРГ родился в 1969 году в Копенгагене (Дания). В 1993 году окончил Датскую национальную киношколу, и уже его дипломная работа, короткометражка «Последний раунд», принесла ему успех. Затем последовали короткометражный игровой фильм «Мальчик, который шел назад» (1994) и триллер «Самые большие герои» (1996). Винтерберг выступил в числе основателей киноманифеста «Догма-95» и снял фильм «Торжество», отмеченный Призом жюри на Каннском кинофестивале. В 2003 году поставил драму «Все о любви», где главные роли сыграли звезды американского кино — Клер Дэйнс, Хоакин Феникс, Шон Пенн.

— Насколько для вас важно, что действие вашей картины происходит в Америке? Ведь многие считают последние фильмы фон Триера и этот его сценарий антиамериканскими.

— Так могут считать в основном те, кто живет на Востоке. На самом деле все, что есть на экране, — результат глубокой очарованности Америкой. Ведь когда живешь на Западе, Америка представляется неотъемлемой частью западного мира и передовым рубежом западной культуры. Современная датская культура — сплав собственно датской и американской, и так можно сказать о любой западноевропейской стране. Поэтому на Западе американская культура является одновременно предметом восхищения и объектом сарказма. Ваши зрители, которые говорят о нашем антиамериканизме, замечают сарказм, но не замечают восхищения.

— каково сейчас ваше отношение к выработанной вами и фон Триером программе «Догма», которой скоро исполнится 10 лет?

— Пару лет назад, увидев, что «Догма» из явления протеста превращается в коммерческий бренд, я объявил, что «Догма» умерла...

— Неужели для вас было новостью то, что буржуазная культура адаптирует и превращает в товар даже протест против буржуазной культуры, доказывая тем самым свою универсальную гибкость?

— Я знал об этом абстрактно, а здесь столкнулся с этим конкретно. И сделал тот же вывод. Так что «Догма» жива и продолжает оказывать влияние на кинематограф в том смысле, что за ней следуют и от нее же отталкиваются.

— Ваша «Дорогая Венди» ассоциируется с документальным фильмом Майкла Мура «Боулинг для Колумбины», направленным против открытой продажи оружия. Что вы о нем думаете?

— У меня много общего с ним — я тоже левак и тоже склонен к провокации. Как, впрочем, и Ларс. Думаю, что Майкл хороший манипулятор — лучший, чем Буш, но все же не настолько, чтобы помешать Бушу вновь выиграть президентские выборы (речь о фильме Мура «Фаренгейт 9/11». — «НИ»). Что касается оружия, то я на стороне Чарлтона Хестона (появляющийся в фильме «Боулинг для Колумбины» американский режиссер, сторонник свободной продажи оружия. — «НИ»), а не на стороне Мура. Причина насилия в людях, а не в оружии.

— Вы сняли свой новый фильм в реалистической манере, как историю, которая могла бы произойти в действительности. Но не кажется ли вам, что между этим реализмом и абстрактностью триеровского сценария есть противоречие? Ведь сам Ларс экранизирует свои сценарии в ином ключе, гораздо более условном.

— Я старался как можно достовернее воплотить абстрактные идеи фон Триера и даже снизил возраст главного героя с 25 до 15 лет, чтобы зрители поверили в его рассказ. Но если вы видите в картине противоречие, то я не достиг своей цели, и это печально.

Беседовал Виктор МАТИЗЕН

— 2005 — 22 мая — с. 5

Новости культуры